

УДК 821.111

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СБОРНИКА Х. УОЛПОЛА «ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ СКАЗКИ»

Н.В. НЕСТЕР

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: n.nester@psu.by

Рассматривается жанровое своеобразие сборника Х. Уолпола «Иероглифические сказки» (*Hieroglyphic tales*, 1785). Обосновывается, что короткие по размеру произведения сборника имеют характерные особенности волшебной сказки, отличные от других произведений данного жанра. Доказывается, что для волшебных сказок Х. Уолпола характерны абсурд, анахронизм, гротеск, парадокс, сатира, сюрреалистический образ, юмор, что позволяет относить «Иероглифические сказки» Х. Уолпола к литературе абсурда, а их автора – к предшественникам сюрреализма.

Ключевые слова: абсурд, анахронизм, волшебная сказка, гротеск, жанр, повествование, сатира, сюжет, сюрреализм.

Введение. Хорас Уолпол (*Horace Walpole*, 1717–1797) – английский писатель, основоположник жанра готического романа. Т. Кристенсен отмечает, что «Хорас Уолпол принадлежит к особой английской литературной традиции, которую отличает абсурдность, несерьезность, озорство, да и просто безумие» [1, с. 5]. Одним из проявлений этой традиции являются «Иероглифические сказки» (*Hieroglyphic tales*), написанные в 1766 – 1772 гг. и состоящие из шести сказок, вступления и заключения. Сборник коротких историй в традиции английского литературного абсурда, предвосхитивших сюрреализм, вышел только в 1785 г.¹ относительно небольшим тиражом (всего 6 экземпляров). По мнению Т. Кристенсена, «только в «Иероглифических сказках» Уолпол начал открывать для себя радикальную манеру письма, предвосхищающую некоторые направления современной литературы» [1, с. 18].

В «Иероглифических сказках» [2; 4] Х. Уолпол выработал несколько приемов, позволяющих изменить отношение к литературной традиции. Рассказы сборника писатель создает на основе волшебной сказки, используя другие аспекты повествования – невозможные детали, оставляя читателя разгадывать путаницу между языком, повествованием и реальностью. Сказки Х. Уолпола сложны для восприятия, т.к. при чтении в равной степени необходимо уделять внимание и истории, и тому, как она рассказана. Кроме того, писатель разрушает последовательность повествования отступлениями, отрицаниями, ложным началом, тем самым освобождая повествование от ограничений. Как пишет Т. Кристенсен: «Отчасти это, возможно, вырастает из некоего субъективного символизма, в котором персонажи и события служили оболочкой язвительным личным аллюзиям с политическими или светскими фигурами, аллюзиям, в настоящее время по большей части утраченным; но в результате возникло повествование, приводящее в восторг и смущение своей непредсказуемостью и отсутствием явного центра. Уолпол создал экзистенциальный нарратив, примечательный для своего времени, существующий просто для того, чтобы быть, а не отсылать к чему-либо [1, с. 22–23].

Исследованием различных аспектов творчества Х. Уолпола занимались Т.С. Стюарт [4], Т.В. Зеленко [6], С.В. Тесцов [7], О.А. Судленкова [8, с. 295–297.]. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием в отечественном и российском литературоведении исследований жанрового своеобразия «Иероглифических сказок» Х. Уолпола, необходимостью определения и выделения характерных признаков жанра волшебной сказки в вышеуказанном произведении, возможностью восполнить имеющиеся лакуны в изучении творчества Х. Уолпола.

Основная часть. Во вступлении к сборнику сказок Х. Уолпол ведет диалог с современником, французским писателем Клодом Проспером Жолио Кребийоном (*Claude Prosper Jolyot de Crébillon*, 1707–1777). Используя в качестве эпиграфа цитату из «восточного» романа «Софа» (*Le Sopha*, 1742), писатель тем самым обнаруживает «восточные» черты сборника сказок: «Шах Бахам всегда хорошо понимал только абсурдные и совершенно неправдоподобные вещи»² [3, с. 30]. Объясняя появление данного произведения, Уолпол пишет о недостаточном количестве достойных литературных трудов среди представителей литературы XVIII в., чем и оправдывает создание этого «бесценного дара» (*the invaluable present*). Писатель ставит перед собой цель – сохранить этот труд для потомков, несмотря на то, что его современники могут его осуждать. Уолпол уверен, что к нему отнесутся с должным достоинством: «когда мудрость и ученость обретут подобающее им влияние на человечество, и когда люди станут читать только ради назидания и совершенствования своего разума»³ [1, с. 32] (Здесь и далее перевод В. Кондратьева и Е. Ракитиной). Кроме того, Х. Уолпол настаивает на скорейшей публикации книги и планирует

¹ В 1926 г. Элкин Мэттьюс небольшим тиражом выпустил книгу в Англии. В 1982 г. издательством Augustan Reprint Society Университета Калифорнии был напечатан небольшой тираж (факсимиле издания 1785 г.). Начиная с 1993 г. сборник сказок периодически издавался большими тиражами. Сборник сказок на русском языке появился только в 2005 г. в переводе Василия Кондратьева и Екатерины Ракитиной [3].

² «Schah Baham ne comprenoit jamais bien que les choses absurdes & hors de toute vraisemblance» *Le Sopha*, p. 5 [2, p. 3].

³ «and when men shall only read for instruction and improvement of their minds» [2, p. 3].

напечатать около сотни экземпляров. Снимая с себя ответственность за авторство, Х. Уолпол дистанцируется от собственного произведения: «А пока же прошу читателя принять в качестве временного возмещения рассказ об авторе, труд которого я издаю»⁴ [3, с. 35].

В то же время автор пишет о том, что «Иероглифические сказки» были, несомненно, написаны незадолго до сотворения мира и с тех пор сохранялись в устных преданиях гор Крампкраггири, необитаемого острова, доселе не открытого»⁵ [3, с. 36]. Тем самым писатель хочет подчеркнуть, что иероглифические сказки – вне времени и пространства – возникли они давно и сохранились на никому неизвестном острове. Он не теряет надежды на установление авторства текста сказок и продолжает рассуждать: «Мы можем с большой вероятностью приписать их Кеманрлегорпику, сыну Квата, хотя и не уверены, что такая личность когда-либо существовала... Другие приписывают их мамке Квата, а некоторые – Гермесу Трисмегисту...»⁶ [3, с. 37]. Сочиняя невероятные небылицы, писатель ещё более запутывает читателя в определении автора этого произведения. В то же время Уолпол не ставит целью уточнение автора или времени написания, он, скорее, утверждает читателя в мысли, что сказки могли быть написаны в прошлом и настоящем, тем или другим автором. Тем самым Х. Уолпол хочет придать «Иероглифическим сказкам» статус вечности, а его автору, кем бы он ни был, обеспечить бессмертие.

В этой связи обращает на себя внимание заключение к «Иероглифическим сказкам». Если во вступлении Уолпол рассуждает о потенциальном авторе и времени создания сказок, то в заключении он стремится подчеркнуть незначительность данного труда: «... это всего лишь причудливая безделица, написанная главным образом для частного развлечения, и для частной же забавы отпечатано всего полдюжины экземпляров»⁷ [1, с. 137]. И ещё раз формулирует цель его создания: «Самое большее, что в них следует видеть, это попытку разнообразить избитый и затасканный род рассказов и романов, кои, хотя и сработаны изобретательно, почти всегда лишены воображения»⁸ [3, с. 137]. Подводя итоги и оправдывая цель появления «Иероглифических сказок», Уолпол противопоставляет их историографии: «Бесконечно больше вымысла в исторической науке, коя лишена достоинств, когда отступает от правды, нежели в романах и повествованиях, где правды якобы нет»⁹ [1, с. 138].

В основной части сборника представлены шесть сказок: «Новая забава из арабских ночей» (*A new Arabian Night's Entertainment*), «Царь и три его дочери» (*The King and his three Daughters*), «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» (*The Dice-Box. A Fairy Tale*), «Персик в бренди. Милезское сказание» (*The Peach in Brandy. A Milesian Tale*), «Ми Ли. Китайская сказка» (*A Chinese Fairy Tale*), «История истинной любви» (*A true Love Story*). Седьмая сказка «Птичье гнездо» (*The Bird's Nest*), опубликованная в русскоязычном переводе, не входит в «Иероглифические сказки», изданные в Стробрерри Хилл¹⁰, и воспроизводится по рукописи, озаглавленной «Иероглифические сказки. Сказка Пятая».

Сказка «Новая забава из арабских ночей», открывающая сборник, отсылает к памятнику средневековой и арабской литературы «Книга тысяча и одной ночи», собранию сказок и новелл, обрамленных историей о персидском царе Шахрияре и его жене Шахерезаде. Героиня этой волшебной сказки – юная царевна Гроновия (фрау Гронау), которая взобралась на вершину великой горы Гиронкву «собирать козьи яйца, белки коих так замечательно сводят веснушки»¹¹ [1, с. 43]. За этим абсурдным введением следует авторское объяснение: «Козы с Гиронкву тоже могли быть яйцекладущими и могли откладывать яйца созревать под солнцем. Таково мое предположение, и неважно, верю я в него сам или нет»¹² [3, с. 44–45]. Автор обнаруживает себя в повествовании как рассказчик, кроме всего прочего дает комментарий происходящим событиям. При этом его гипотеза не подлежит сомнению, т.к. рассказчик уверен в достоверности собственных слов. Преодолев гору, Гроновия попадает в неизвестную страну, которой правит «великан» (великаном его называют потому, что он выше всех своих предшественников). Согласно обычаю, каждую ночь император получает новую жену, которая рассказывает ему историю до самого утра, а потом ей отрубают голову. Царевна уверена, что справится с поставленной задачей, т.к. «я могу прочитывать наизусть все эпиграммы Леонида, и ваш император должен в самом деле страдать бессонницей, чтобы устоять против этого»¹³ [3, с. 45]. Далее следует пространный полемичный диалог императора с царевной, в котором в сказочное пространство вторгается историко-культурный контекст. Царевна, рассказывая историю

⁴ «In the mean time I beg the reader to accept the temporary compensation of an account of the author whose work I am publishing» [2, p. 6].

⁵ «The Hieroglyphic Tales were undoubtedly written a little before the creation of the world, and have ever since been preserved, by oral tradition, in the mountains of Crampcraggiri, an uninhabited island, not yet discovered» [2, p. 6].

⁶ «We might ascribe them with great probability to Kemanrlegorpikos, son of Quat; but besides that we are not certain that any such person ever existed... Others give them to Quat's nurse, and a few to Hermes Trismegistus...» [2, p. 6].

⁷ «...they are mere whimsical trifles, written chiefly for private entertainment, and for private amusement half a dozen copies only are printed» [2, p. 34].

⁸ «They deserve at most to be considered as an attempt to vary the stale and beaten class of stories and novels, which, though works of invention, are almost always devoid of imagination» [2, p. 34].

⁹ «There is infinitely more invention in history, which has no merit if devoid of truth, than in romances and novelty which pretend to none» [2, p. 34–35].

¹⁰ До XX века издание «Иероглифических сказок», выпущенное в Стробрерри Хилл, оставалось единственным.

¹¹ «to gather goat's eggs, the whites of which are excellent for taking off freckles» [2, p. 9].

¹² «The goats of Hirgonquiu might be oviparous, and lay their eggs to be hatched by the sun. This is my supposition; no matter whether I believe it myself or not» [2, p. 9].

¹³ «I can repeat Leonidas by heart, and your emperor must be wakeful indeed if he can hold out against that» [2, p. 9].

рода, упоминает Италию, Голландию, Японию, Филиппа II и т.д. От бессмысленной полемики, в которой теряется нить повествования, император засыпает. Царевна вместе с евнухом лишают правителя жизни. После смерти императора Гроновия становится императрицей, при этом сохраняет обычай – каждую ночь выходить замуж за нового мужа, но освобождает его от рассказов и не казнит, как предыдущий император. «Она рассылала подарки всем ученым людям Азии; в свою очередь, они не забывали провозглашать ее образцом милосердия, мудрости и добродетели»¹⁴ [3, с. 55].

Таким образом, обращаясь к «Книге тысяча и одной ночи», Х. Уолпол использует зеркальный сюжет истории Шахерезады, в которой плененная царевна усыпляет мужа скучной историей, а затем убивает его. При этом писатель играет с интонацией «его привычный скептицизм контрастировал со сказочным напряжением невероятного и его собственными безумными всплесками фантазии... его недоброе, подчас неприятное остроумие контрастировало с притворной наивностью сказочного повествования, создавая необычайно богатый текст, полный цвета и фактуры» [1, с. 25].

Сказка «Царь и три его дочери» имеет традиционное сказочное начало «Жил-был царь, и было у него три дочери – то есть, у него были бы три, окажись их на одну больше, однако же, так или иначе, старшая из них так и не появилась на свет»¹⁵ [3, с. 59]. Старшая сестра обладала редким сочетанием ума и красоты, в совершенстве объяснялась по-французски. У средней сестры был заметный йоркширский диалект, у младшей – плохие зубы и только одна нога, по этой причине она плохо танцевала. Поскольку царь был старым (ему исполнилось восемьдесят лет, два месяца и тринадцать дней), он решил выдать замуж старшую дочь. Советники царя разделились на две партии, одна из которых считала, что необходимо выдать замуж среднюю, т.к. считали её старшей, а другая – младшую, т.к. считали старшей ее. На руку одной из сестёр претендует князь Квифериквимини, который «был бы самым безупречным героем своего времени, не будь он мертв, говори хоть на одном языке, кроме египетского, и не будь у него три ноги»¹⁶ [3, с. 63–64]. Выбор князя пришёлся на старшую сестру, однако их брак не мог состояться, т.к. они оказались двоюродным братом и сестрой. Средняя царевна из мести отвергнувшему её князю отдала свою руку солдату, состоявшему в совете, поэтому горожане, обсудившие их союз, провозгласили их царем и царицей. Все партии одобрили случившееся, старый царь умер на следующий день от счастья, князя Квифериквимини похоронили, а младшая царевна лишилась рассудка «и ее заперли в сумасшедший дом, где она денно и ночью призывала мужа с тремя ногами»¹⁷ [3, с. 70]. Эту сказку также можно отнести к числу волшебных сказок, несмотря на абсурдных героев (царевна, которой нет, и князь, который умер) и запутанные отношения между языком сказки и повествованием.

В подзаголовке сказки «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» указывается жанровая специфика произведения – волшебная сказка. Кроме того, писателем сообщается, что сказка переведена с французского перевода графини Донуа для развлечения мисс Каролины Кэмпбелл, старшей дочери лорда Уильяма Кэмпбелла, жившей со своей тёткой, графиней Эйлсбери. Сказка адресована девочке, поэтому главным сказочным персонажем является девятилетняя девочка Писсимиси из Дамаска. При рождении фея предсказал, что она будет наложницей Соломона. Отец девочки, купец Абулькасим, завещал дочери скорлупу фисташкового ореха, запряженной слонном и божьей коровкой. После смерти отца Писсимиси отправляется странствовать в неизвестном направлении. На своем пути девочка, кроме всего прочего, встречает «громадную» птицу-колибри, принадлежащую Соломону. Колибри, пораженная красотой крыльев божьей коровки, проглотила божью коровку, Писсимиси, слона и всех их приобретения. Соломон «захваченный очарованием прелестной Писсимиси: он стал немедленно импровизировать на тему Песни Песней»¹⁸ [3, с. 79]. Царице Савской не по душе пришлось пристальное внимание Соломона к Писсимиси, поэтому она запустила царю в голову один из стаканчиков для игральных костей, но промахнулась и попала в нос девочке, где он и застрял: «поскольку он был из слоновой кости, Соломон впоследствии сравнивал нос своей возлюбленной с башней, ведущей в Дамаск»¹⁹ [3, с. 81]. Царица Савская несмотря на то, что ей было стыдно за свое поведение, в душе не пожалела о содеянном. После этого происшествия она исчезла, с тех пор о ней ничего не слышно. Данная сказка имеет развлекательную цель, о чём свидетельствует череда различного рода событий, в которые попадает героиня этой волшебной истории, указывающей на явные преувеличения размеров скорлупы фисташкового ореха, в которую, как в повозку, могла поместиться девятилетняя девочка, и величину «огромной» птицы-колибри, проглотившей спутников Писсимиси вместе с поклажей.

Сказка «Персик в бренди. Милезское сказание», как и предыдущая сказка, имеет посвящение. Автор адресует её Анне Лиддел, графине Оссори, жене Фицпатрика, графа Оссори. Предметом этой сказочной истории стала их дочь Анна. Героиня сказочного повествования – дочь правителя Килкенни по имени «Прописное А», в позднейшем искажении «Прописная». Достигнув зрелых лет, Прописное А взошла на трон в возрасте пяти лет и провозгласила свою няньку премьер-министром. Очевидно, что в таком возрасте управлять государством девочка не

¹⁴ «She sent presents to all the learned men in Asia; and they in return did not fail to cry her up as a pattern of clemency, wisdom, and virtue» [2, p. 12].

¹⁵ «There was formerly a king, who had three daughters – that is, he would have had three, if he had had one more, but some how or other the eldest never was born» [2, p. 13].

¹⁶ «who would have been the most accomplished hero of the age, if he had not been dead, and had spoken any language but the Egyptian, and had not had three legs» [2, c. 14].

¹⁷ «and was shut up in a madhouse, calling out day and night for a husband with three legs» [2, p. 16].

¹⁸ «being caught with the charms of the lovely Pissimissi: he immediately began the song of songs extempore» [2, p. 19].

¹⁹ «it stuck there, and being of ivory, Solomon ever after compared his beloved's nose to the tower that leads to Damascus» [2, p. 19].

может, поэтому она придумывает только различного рода развлечения, как игра в жмурки и т.п.: «Что до прочих деяний Прописной и того, что она совершила, разве не записаны они в хрониках королей Килкенни?» [3, с. 92]. В повествование присутствуют и вполне реальные факты, что у Леди Оссори случился выкидыш. В сказке – это королева-мать Прописной А, у которой произошел припадок: «и она разрешилась близнецами, которых убил испуг матери»²⁰ [3, с. 87]. Эпизод, о котором рассказывает автор, лёг в название сказки «Персик в бренди» – архиепископ случайно проглатывает человеческий эмбрион, который находился в стакане с бренди. Используя предметный абсурд с целью создания комического эффекта, Х. Уолпол нарушает последовательность повествования, переключая внимание читателя то на юную королеву и её родителей, то на цепь событий, происходящих в государстве во время ее правления.

Персонажем сказки «Ми Ли. Китайская сказка» является Ми Ли, который был воспитан крестной феей, знаменитой гаданием на чайной чашке. Полагаясь на предсказание оракула, «она убедила принца в том, что он станет самым несчастным человеком на свете, если не женится на принцессе, которая носит одно имя с владениями своего отца»²¹ [3, с. 95]. Однако неверно запомнив слова оракула, Ми Ли отправился искать принцессу, которая носит одно имя со своим отцом. Совершив длительное путешествие в поисках принцессы, Ми Ли находит её в Ирландии: «– «она» – мисс Каролина Кэмпбелл, дочь лорда Уильяма Кэмпбелла, покойного губернатора Его Величества в Каролине»²² [3, с. 112]. Сказка имеет счастливый финал, т.к. принц Ми Ли, несмотря на абсурдное предсказание крестной, нашёл принцессу, имеющую одно имя с владениями ее отца, и женился на ней.

В основе последней сказки «История истинной любви» лежит мотив подброшенного ребенка, проданного богатой вдове из благородного семейства Гримальди, воспитавшей Ордоната, как родного сына. Автор рассказывает историю любви Ордоната и африканской рабыни редчайшей красоты Азоры, перечисляет трудности и препятствия, которые пришлось преодолеть влюбленной паре, чтобы быть вместе. Повествование сказки выстраивается таким образом, что автор ни словом не обнажает истинную природу персонажей и только в финале раскрывает тайну: «ибо, да будет сие известно потомкам, Ордонат был итальянской гончей, а Азора – черным спаниелем»²³ [3, с. 122]. Таким образом, читатель даже не подозревает, что он знакомится с историей истинной любви двух собак, т.к. в тексте сказки даже нет намека, что речь идет о животных, а не о людях.

Таким образом, «Иероглифические сказки» Х. Уолпола – это волшебные сказки, как «Царь и три его дочери», «Стаканчик для костей. Волшебная сказка», иногда с восточным колоритом («Новая забава из арабских ночей», «Ми Ли. Китайская сказка»), историческим контекстом («Персик в бренди. Милезское сказание»), элементами сказки о животных («История истинной любви»). «Стаканчик для костей. Волшебная сказка» и «Персик в бренди. Милезское сказание» имеют посвящения детской аудитории, кроме того, в «Стаканчике для костей» значится, что данная сказка представляет собой перевод с французского.

Заключение. Жанр произведений сборника «Иероглифические сказки» – волшебная сказка. Короткие по размеру сказки сборника имеют особенности, отличные от других произведений данного жанра. В сказках Х. Уолпола присутствует юмор, отчасти гротескный, близкий к черному. Средством создания комического эффекта в сказках является абсурд, выраженный различного рода анахронизмами, нелепостями, нарушением причинно-следственных связей, парадоксами и сюрреалистическими образами. При этом в сказках присутствует как предметный абсурд, выраженный чем-либо несуществующим, так и вербальный, представленный в нелепом имени сказочного персонажа. Абсурд проявляется не только в деталях сказок, но и в повествовании, последовательность которого часто нарушается. Сюжетная линия сказки представляется цепью случайных, не связанных друг с другом событий, причинная связь между которыми отсутствует.

Сатира не является основополагающей в сказках Х. Уолпола. Для творческой манеры автора характерно сочетание изящества повествования с нелепостью и ирреальностью.

Таким образом, для волшебных сказок Х. Уолпола характерны абсурд, анахронизм, гротеск, парадокс, сатира, юмор, что позволяет относить «Иероглифические сказки» к литературе абсурда, а их автора – к предшественникам сюрреализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристенсен, Т. Предисловие / Т. Кристенсен // Уолпол, Х. Иероглифические сказки. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – С. 5–27.
2. Walpole, H. Hieroglyphic Tales / H. Walpole. – Los Angeles : University of California Augustan Reprint Society, 1982. – 35 p.
3. Уолпол, Х. Иероглифические сказки / Х. Уолпол ; пер. с англ. В. Кондратьева, Е. Ракитиной. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – 144 с.
4. Hartwell, D.G. Masterpieces of Fantasy and Enchantment / D.G. Hartwell, K. Cramer. – Rantoul (IL) : Nelson Doubleday, SFBC, 1988. – 662 p.
5. Stuart, D.M. Horace Walpole / D.M. Stuart. – New York : MacMillan, 1927. – 229 p.
6. Зеленко, Т.В. Творчество Горація Уолпола : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Зеленко. – Л. : ЛГУ, 1979. – 23 с.

²⁰ «miscarried of twins, who were killed by her majesty's frigh» [2, p. 21].

²¹ «that he would be the most unhappy man alive unless he married a princess whose name was the same with her father's dominions» [2, p. 25].

²² «she is miss Caroline Campbell, daughter of lord William Campbell, his majesty's late governor of Carolina» [2, p. 30].

²³ «Orondates was an Italian greyhound, and Azora a black spaniel» [2, p. 34].

7. Тесцов, С.В. Переписка Горация Уолпола как литературный документ эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Тесцов. – СПб. : СПбГУ, 1997. – 22 с.
8. Судленкова, О.А. // 100 писателей Великобритании / О.А. Судленкова, Л.П. Кортеc. – Минск : Выш. шк., 2020. – 367 с.
9. Николокин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николокин ; под ред. А.Н. Николокина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

Поступила 15.04.2022

GENRE ORIGINALITY OF H. WALPOLE'S COLLECTION «HIEROGLYPHIC TALES»

N. NESTSER

The genre originality of the collection by H. Walpole «Hieroglyphic tales» (1785) is considered. It's substantiated that the short-sized works of the collection have the characteristic features of a fairy tale, which are different from other works of this genre. It is proved that the fairy tales of H. Walpole are characterized by absurdity, anachronism, grotesque, paradox, satire, surrealistic image, humor, which makes it possible to refer H. Walpole's «Hieroglyphic tales» to the literature of the absurd, and their author – to the predecessors of surrealism.

Keywords: *absurdity, anachronism, fairy tale, grotesque, genre, narration, satire, plot, surrealism.*